

Дай мне перо, оставь человека, расскажи историю о суете, чтобы вызвать зависть у всего мира. Всё, что ложится на бумагу, подобно сновидению в бесконечной ночи: череда перерождений, где нет места ни песням, ни погребальным обрядам.

Сюй Тай выпустил куклу-предупреждение, сделанную из человеческой кожи Цзян Синькэ, а затем был вытащен Цзян Мэнци из крематория. В душе его терзала тревога — он прекрасно понимал, какой тяжкий грех совершил, но не находил в себе мужества признаться остальным. Сейчас его мысли витали где-то далеко, а тело, словно пустая оболочка, послушно следовало за размытым силуэтом Цзян Мэнци.

— Сюй Тай! Ты что, не завтракал? Бежишь так медленно, хоть ползком передвигайся! — Цзян Мэнци бросила взгляд назад и остановилась, ожидая его. Она слегка перевела дыхание, глядя, как Сюй Тай, подобно загнанной кляче, тяжело дышит, едва переставляя ноги.

Неподалеку Сюй Тай, хватая ртом воздух, присел у стены. Он помахал рукой, подзывая девушку:

— Помедленнее, я больше не могу бежать!

— Ну же, живее, — Цзян Мэнци обернулась и улыбнулась ему. — И это ты называешь себя парнем? Устал, пробежав всего пару шагов?

— Куда ты меня ведешь? — Сюй Тай опустил голову, согнувшись в три погибели, чтобы передохнуть. В пустом холле эхом отдавалось его тяжелое дыхание.

— Я веду тебя встретить одного человека.

— Человека? — Сюй Тай был озадачен. За время их недолгого общения он заметил закономерность: стоило ему пойти за Цзян Мэнци, как случалось что-то недоброе. То они натыкались на Цзян Синькэ, то выпускали куклу. Она была словно кусок лакомого мяса, шаг за шагом заманивающий его, голодного волка, в расставленную ловушку. Сюй Тай не знал, чего она добивается, но от этой хрупкой, на вид беззащитной девушки у него невольно сжималось сердце.

Однако было уже поздно — он оказался на заброшенном кладбище, куда не доходил солнечный свет. Если он отстанет, то навсегда останется в этом безлюдном пристанище призраков, из которого, возможно, уже никогда не выбраться. Это было кладбище на горе за похоронным бюро — мрачное, безмолвное место, поглощающее всякую надежду. Оно стояло в тени скорбного здания, невозмутимое, словно камень.

— Цзян Мэнци? Цзян Мэнци... — Ответа не было. Лишь эхо металось в пронизывающем воздухе. Холодный ветер, приносивший запах тлена и крови, проносился мимо, а с той стороны, где сжигали тела, поднимались густые клубы дыма, принимавшие очертания злобных демонов, готовых наброситься на Сюй Тая.

Здесь казалось пусто, но в воздухе продолжал звучать лишь его собственный голос. Сердце готово было вырваться из груди. Он не мог поверить, что потерял её, не мог понять, нарочно ли она его бросила. Ему оставалось лишь бежать по бесконечным могилам. Кладбище

превратилось в клетку, окружив его со всех сторон. Теперь его единственным спутником был звук собственных шагов, гулко раздававшийся среди сухих веток и опавших листьев.

— Почему я снова остался один?

Для ребенка нет ничего страшнее одиночества — ни криков, ни угроз, ни побоев. Одиночество — это когда некому быть рядом.

Он быстро шел по пустырю. Холод пробирал до костей, нервы были натянуты до предела, казалось, ещё мгновение — и они лопнут. Вдали показался свет. Свет — это надежда. Он ускорил шаг. Подойдя ближе, он понял, что это не фонарь, а пламя. Пламя на призрачном кладбище за похоронным бюро?

Подождите...

Он взглянул на само бюро: там пылал огонь. Кто-то кремировал тело — последнее пристанище усопшего. Но кто станет жечь тела в такой глуши? В похоронном бюро сжигают людей, а что тогда сжигают на этом кладбище призраков?

Он толкнул тяжелую стальную дверь, которая со скрежетом подалась, издавая звук, похожий на царапанье ногтями по доске. Ряд печей, сверкающих под пробивающимися сквозь потолок лучами, выглядел пугающе. Огромная дымовая труба уходила в небо, извергая длинный хвост белого дыма, окутывающего гору. Кроме Сюй Тая, никто не видел в этом месте столько ужаса.

— Здесь есть кто-нибудь? — Сюй Тай отчаянно надеялся на ответ, но вокруг была лишь тишина.

Страх, разраставшийся внутри, стал невыносим. Он сложил руки, непроизвольно раскачиваясь и шепотом читая молитвы. Вдруг в первой печи открылась небольшая заслонка, и оттуда ударил резкий запах горелой плоти, сопровождаемый шипением, словно что-то кипело в котле. Сюй Тай не смел смотреть. В голове проносились тысячи картин: кто там? А что, если оно сейчас выскочит?

Он закрыл глаза и закричал, чувствуя, что увидел то, чего видеть не следовало. Он упал на белоснежную плитку и зарыдал, обхватив голову руками. Сквозь пелену слез он не видел, кто приближается, лишь заметил сапоги с узором из драконов и облаков. Он хотел позвать на помощь, но голос пропал.

Низкий, глубокий голос, словно доносившийся из самой глубины души, прошептал:

— Дитя... чего ты боишься?

— Я боюсь... я боюсь призраков! — невольно ответил Сюй Тай незнакомцу.

— Каждый призрак, которого ты боишься, — это чей-то любимый человек, которого больше невозможно увидеть.

Сюй Тай молчал, продолжая тихо плакать.

— Это Мир Мрака, кладбище призраков, — юноша мягко взял его за руку и краем рукава своего драконьего халата осторожно вытер слезы с его глаз.

— Но... если они уже призраки... зачем им кладбище? — Сюй Тай дрожал, его губы подрагивали, а в голосе слышалась невыносимая боль. Страх постепенно отступал, оставляя место лишь глубокой печали.

— Потому что все любят обманывать самих себя.

Сюй Тай был слишком мал, чтобы понять эту скорбь. В его понимании смерть была концом, и он не видел смысла возводить могилы и подвергать душу повторному испытанию огнем.

Юноша слегка улыбнулся, ведя Сюй Тая за собой. Легкий ветерок колыхал свет свечей.

— Идем со мной... Старший брат отведет тебя на Террасу Тоски по Родине.

Бег времени неумолим, наступила ночь. Облака не могли скрыть яркий лунный свет, заливавший землю. Интересно, видят ли души на Террасе Тоски по Родине лица своих родных?

Этим юношей был Божественный Владыка Преисподней Чэнь Се, известный под именем Умин. Рожденный как старший принц Мира Мрака, он всю жизнь не видел солнечного света. Но, будучи владыкой, Чэнь Се не был лишен сердца. Сегодня он был одет просто: без короны, с распущенными волосами, в черных одеждах, которые делали его одиноким даже в толпе. Взмахнув веером, он заставил звенеть медные колокольчики на поясе. Он понимал, что на вершине холодно, но был существом холодным по природе, как и Мо Юй, поэтому не знал, что такое земной мороз.

Он привел живого человека на Террасу, просто чтобы показать ему мир с другого ракурса. На самом деле, он лишь хотел взглянуть на людские радости и печали.

Струны цитры пели о тоске, на Мосту Забвения больше не слышалось детского смеха, а цветы хиганбана ждали, когда кто-нибудь обернется. Владыка шел легко, его глаза, подобные лунному свету, светились чистотой. Улыбнувшись у Камня Трех Жизней и глядя на Сюй Тая с отеческой нежностью, он произнес:

— Лунный свет в чертогах холоден, но отблеск его сладок, словно мед.

Сюй Тай посмотрел на Владыку, в его ясных глазах отразился свет. Он глупо улыбнулся:

— Красиво сказано. Но... — он почесал подбородок, — почему лунный свет, тонкий, как крылья цикады, кажется вам таким сладким?

Чэнь Се присел, погладил его по голове и вздохнул:

— Солнечный свет, к которому вы, люди, привыкли, для нас — недостижимая мечта.

Сюй Тай приподнял бровь, обнажив маленькие клыки:

— Тогда приходите ко мне в мир людей поиграть! Хотя ваш Владыка такой консерватор, никого не выпускает! Какой толк от этой Террасы? Она только бережит раны и заставляет людей ещё больше грустить!

Никто не смел так разговаривать с Владыкой, кроме этого дерзкого мальчишки. Чэнь Се смущенно опустил голову, но слова Сюй Тая вызвали у него странную улыбку. Мальчик показался ему таким знакомым, но стоило присмотреться — и он снова становился чужим.

— Чэнь Си...

— Я не Чэнь Си... хи-хи...

— Оу... не Чэнь Си, — в глазах Владыки промелькнуло разочарование.

— Старший брат, а ты часто бываешь на Террасе?

— У меня... нет близких, — Чэнь Се пытался принять реальность. Он был одинок. В легких одеждах, чувствуя холод, он смотрел на заросли хиганбаны и произнес: — Когда-то был... младший брат, твоего возраста. Звали его Чэнь Си.

— А потом?

— Потом? Он сбежал с одним красавчиком и больше не вернулся...

— Сбежал? И не возвращался? — спросил Сюй Тай.

— Нет... Это я. Я сам изгнал его из Мира Мрака, и он больше не может вернуться...

— Твой брат был очень жестоким. На твоём месте я бы умер от горя.

— Да... я так надеюсь встретить его снова, — Чэнь Се крепко обнял худощавого Сюй Тая, утешая самого себя: — Обязательно встречу. Ты обязательно вернешься, брат!

Внезапно поднялся туман, заслонивший обзор. Слова Сюй Тая прозвучали таинственно:

— Тогда я могу стать твоим близким!

— Что? — Владыка был озадачен такой внезапной теплотой.

— Так ты сможешь чаще приходить на Террасу, — Сюй Тай по-детски показал язык.

— Глупый ребенок... поверь, всё в этом мире — причина и следствие. Раз я посеял семена разлуки, то должен испить эту горькую чашу до дна.

— Причина и следствие?

Чэнь Се указал на кладбище призраков на горе. Его взгляд стал туманным:

— Знаешь, почему эти души, уже умерев, строят себе могилы и снова бросаются в огонь?

Сюй Тай покачал головой.

Чэнь Се сорвал цветок хиганбана, любуясь его тенями, и улыбнулся:

— Потому что они — призраки, потерявшие надежду, слишком привязанные к прошлому. Даже выпив суп Мэн По, они не могут отпустить свои желания. Страдая от этого, они вынуждены возвращаться в печи, чтобы Чжангуй стер их память. Но такие души уже никогда не смогут переродиться. Им остается лишь строить себе могилы и спать вечным сном на кладбище призраков.

— Неужели так больно хранить слишком много воспоминаний? — Сюй Тай поднял голову, глядя на Чэнь Се с недоумением.

— Когда вырастешь... поймешь.

Чэнь Се протянул ему цветок хиганбана. Вдыхая его аромат, Сюй Тай почувствовал, как сознание меркнет, а фигура Чэнь Се расплывается. У него не осталось сил, и он безвольно уснул в объятиях Владыки.

Чэнь Се знал, что уже упустил шанс попрощаться с братом, и не хотел упускать этот момент. Он осторожно поднял спящего Сюй Тая и, глядя на лепестки хиганбаны, почувствовал, как глаза наполняются слезами.

— Брат... прости меня. Я так сильно скучаю по тебе...

<http://bllate.org/book/22324/2338164>